

Троцкистская террористическая организация: китайцы и начало «Харбинской» операции НКВД в Москве

© 2021

DOI: 10.31857/S013128120014773-1

Калкаев Евгений Геннадьевич

Научный сотрудник Отдела Китая Института востоковедения РАН.

E-mail: kalkaev@gmail.com.

Аннотация:

Статья посвящена предыстории начала массовой «Китайской» операции в Москве во время «Большого террора» 1937–1938 годов. Арестованная в 1937 году группа китайцев была обвинена в участии в троцкистской террористической организации, но после начала национальных операций их дела были рассмотрены в рамках «Харбинской» операции НКВД.

Ключевые слова:

«Большой террор», НКВД, «китайская» операция, «Харбинская» операция, национальные операции, китайская диаспора, троцкизм.

Для цитирования:

Калкаев Е.Г. Троцкистская террористическая организация: китайцы и начало «Харбинской» операции НКВД в Москве // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 2. С. 97–112.

DOI: 10.31857/S013128120014773-1.

Trotskyist Terrorist Organization. The Chinese and the Beginning of the "Harbin" NKVD Operation in Moscow

Evgeny G. Kalkaev

Researcher at the China Department of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: kalkaev@gmail.com.

Abstract:

The article is devoted to the background of the beginning of the «Chinese» operation in Moscow during the period of the Great Terror. A group of Chinese arrested in 1937 was accused of participating in the Trotskyist terrorist organization, but after the start of «national operations» their cases were considered as part of the «Harbin» operation.

Key words:

Great Terror, NKVD, «Chinese» operation, «Harbin» operation, national operations, Chinese diaspora, Trotskyism.

For citation:

Kalkaev E.G. Trotskyist Terrorist Organization. The Chinese and the Beginning of the "Harbin" NKVD Operation in Moscow // Far Eastern Affairs. 2021. No. 2. Pp. 97–112.

DOI: 10.31857/S013128120014773-1.

28 ноября 1937 года Комиссия НКВД и прокурора СССР в лице наркома внутренних дел Н.И. Ежова и прокурора СССР А.Я. Вышинского поставила свои подписи под протоколом № 133 по «Харбинской» операции. Всего в протоколе, материалы к которому представило управление НКВД по Московской области¹, упоминались 162 человека. 25 из них приговорили к заключению в исправительно-трудовых лагерях, остальных расстреляли. Среди расстрелянных были десять китайцев, дела которых в УНКВД по МО объединили в групповое дело № 3581. Это не были первые жертвы национальных операций среди китайцев, но они оказались первой крупной китайской группой, приго-

1. УНКВД по МО обслуживало территорию Москвы и области.

ворённой Комиссией². Также это были первые материалы на китайцев, представленные на Комиссию московскими чекистами.

Обвиняемые

Обвиняемыми в этом «китайском» деле были: Цянь Жучан (в материалах следствия она фигурирует под своим псевдонимом Тамара Георгиевна Мусатова), Ян Цзинфу (Николай Андреевич Ярославский), Ян-Ман-Чун³, Дай Куйюань (Нестор Михайлович Ребров), Чжан Чундэ (Павел Константинович Оглоблин), Янь Цзюньюй (Евгения Степановна Кеворкова), Ван Цзинтао (Федор Никитович Донцов), Ли-Сан-Джин⁴, Гэ Бинъюань (Михаил Григорьевич Буянов) и Хуан Вэнь (Григорий Иванович Медников).

В их биографиях можно найти очень много схожего, но это не была полностью гомогенная группа. Шестеро из них во второй половине 1920-х годов принимали участие в революционном движении у себя на родине, вступили в КПК, занимались партийной работой и впоследствии были откомандированы на учёбу в СССР. В Советском Союзе в соответствии с правилами того времени они были переведены из китайской компартии в ВКП(б). Ребров присоединился к европейской ячейке китайской компартии уже во Франции, где он осел после двух лет хождения юнгой на пароходе. После нападения в 1927 году на сторонников Гоминьдана он некоторое время находился в заключении и был выслан из этой страны⁵. Французская компартия направила его в Москву. Что касается Ян-Ман-Чуна, Ли-Сан-Джина и Ярославского, то они оказались в Советской России в силу личных обстоятельств, в поиске заработка и лучшей доли и, уже проживая в СССР, вступили в ВКП(б).

Большинство из обвиняемых: Мусатова, Ярославский, Ребров, Оглоблин, Кеворкова, Донцов, Буянов и Медников в разное время и с разным успехом обучались в одном из ведущих центров подготовки борцов для китайской революции — УТК/КУТК⁶, который сначала действовал как общий вуз для китайских коммунистов и членов Гоминьдана, а после разрыва с Чан Кайши в 1927 году начал функционировать как коммунистический университет. Впоследствии Буянов и Медников учились в Международной ленинской школе (МЛШ), Ярославский и Ребров в Московском институте востоковедения, Мусатова и Ян-Ман-Чун в Высшей школе профсоюзного движения (ВШПД). Только у Ли-Сан-Джина образование ограничивалось двумя годами домашнего обучения в Китае.

Многие из бывших студентов в конце 1920-х- начале 1930-х годов обвинялись как сторонники троцкизма или «правого уклона». Подробнее об этом будет сказано чуть ниже, но здесь стоит отметить, что ко времени ареста девять человек из этой группы уже были исключены из ВКП(б). Исключения происходили и в начале, и в середине 1930-х годов, и накануне арестов. Только не имевший никакого выраженного политического прошлого Ли-Сан-Джин оставался членом партии большевиков. Пожалуй, единственное, что к весне 1937 года объединяло их всех, помимо национальности, было советское гражданство, которое они принимали в разное время.

-
2. До этого в протоколах по «Харбинской» операции фигурировали менее двух десятков китайцев, наибольшее количество (четыре человека) были в протоколе № 26, рассмотренном 20 октября 1937 г. Материалы к нему были представлены УНКВД по Ленинградской области (см. архив УФСБ по Омской области (АУФСБОО). ф. 6. Д. 9828–9838).
 3. Так в документах, настоящее китайское имя неизвестно.
 4. Так в документах, настоящее китайское имя неизвестно.
 5. РГАСПИ. ф. 495. Оп. 225. Д. 945. Л. 28.
 6. В 1925–28 гг. Университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена, затем — Коммунистический университет трудящихся Китая и Коммунистический университет трудящихся-китайцев.

Аресты прошли не одновременно, и групповое дело формировалось постепенно. Сначала 23 апреля 1937 года были арестованы Мусатова, Ян-Ман-Чун и Ярославский. Затем 30 апреля — Ребров. Оглоблина, Кеворкову и Донцова арестовали через полтора месяца, с 15 по 22 июня. Буянова, Ли-Сан-Джина и Медникова — только 3 и 4 августа. Большинство допросов закончились в августе-сентябре. Дело изначально строилось вокруг политического прошлого большинства арестованных, а основным обвинением было участие в придуманной самими чекистами китайской троцкистско-террористической организации или, как у Кеворковой и Ли-Сан-Джина, — знакомство с членами этой организации.

Китайцы в СССР и борьба с оппозицией

Во второй половине 1920-х годов ВКП(б) вступила в период острой внутрипартийной борьбы, финалом которой в начале 1930-х годов стало установление единоличной диктатуры Сталина. Представители любых оппозиций, реальных и вымышленных, постепенно оказались вне закона, но на первых этапах такой результат не казался предопределённым. Многие китайские студенты московских интернациональных вузов обратили внимание на троцкизм в 1926 году, когда сторонники Сталина добавили и эти учебные учреждения к территории схватки с оппозицией. Интерес студентов подогревался разными факторами: критическим отношением к агрессивным методам борьбы проталинской группировки, безапелляционно навязывающей окружающим свои установки, бюрократизацией в вузах, близостью с преподавателями, часть которых принадлежала к объединённой левой оппозиции, наблюдением за жизнью в стране, где реальность сильно отличалась от того, что производилось с трибун и печаталось в прессе. Важную роль сыграли и события в Китайской Республике: шокировавший многих переворот Чан Кай-ши в апреле 1927 года продемонстрировал несостоятельность советской политики в Китае и заставил прислушаться к мнению сталинских оппонентов⁷. Деятельность студентов, подпавших под влияние троцкизма, в основном сводилась к переводу на китайский язык оппозиционной литературы, привлечению в организацию новых членов, подготовке к распространению троцкистских идей в Китае⁸. Для многих оппозиция была альтернативой догматической сталинской модели, но в целом коммунистической партии и советскому правительству они себя не противопоставляли.

Ситуация в КУТК усугублялась внутренней борьбой за власть в руководстве университета, в которую оказалась втянута и часть студентов. При этом некоторые из них активно использовали сближение с советскими функционерами для развития собственной карьеры. К концу 20-х годов учебный процесс в значительной степени был нарушен противоборством группировок молодых амбициозных учащихся. В ход шли любые средства: ложные обвинения, доносы, навешивание политических ярлыков. Вкупе с организационными проблемами это привело к тому, что центр подготовки китайских коммунистов не справлялся со своими задачами, всё больше погружаясь в хаос внутренней конфронтации⁹.

Обнаружение в ходе партийной чистки интернациональных вузов 1929–30 годов подпольной китайской троцкистской организации стало неожиданностью для пар-

7. *Панцов А.В.* Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М.: ИД «Муравей-Гайд», 2001. С. 249–252, 271.

8. *Панцов А.В.* Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М.: ИД «Муравей-Гайд», 2001. С. 278–280.

9. *Спичак Д.А.* Китайский авангард Кремля. Революционеры Китая в московских школах Коминтерна (1921–1939). М.: Вече, 2012. С. 106–133.

тийного руководства¹⁰. Собранные материалы и проведённые комиссией по чистке и ОГПУ допросы дали повод подозревать в связях с троцкистами более полутора десятков человек, подавляющее большинство которых были учащимися КУТК. Некоторые из выступавших против сторонников партийной ячейки КУТК обвинялись в «правом уклоне» или принадлежности к антипартийным объединениям. Однако на основании союза, симпатии или даже знакомства со сторонниками левой оппозиции их могли причислить и к троцкистам¹¹.

Среди выявленных в 1929–1930 года активных троцкистов был Ван Цзинтао (Донцов), а одним из руководителей, блокирующихся с троцкистами правых оказался Чжан Чундэ (Оглоблин). В результате расследования они не только были исключены из партии, но были приговорены к заключению в исправительно-трудовых лагерях. Оба отбыли трёхлетний срок¹². В некоторых списках троцкистов фигурировала Кеворкова (Янь Цзюньюэ), её муж Н. Накатов (Цзэн Цзяньцюань), муж Мусатовой П. Немцев (Линь Дэньюэ)¹³. Сама Мусатова (Цянь Жучан), судя по всему, в троцкизме не обвинялась, но, по некоторым данным, была среди противников партийной ячейки КУТК¹⁴. Ребров (Дай Куйюань) подозревался в принадлежности к «правым»¹⁵, угроза исключения из партии висела и над Буяновым (Гэ Бинъюанем).

Но всё же обвинения в адрес Кеворковой, Реброва и Мусатовой оказались или недостаточно серьёзными, или недостаточно обоснованными — из партии их не исключили. Впрочем, и особого доверия к ним не было: кого-то ещё до чистки в КУТК, а кого-то после, отправили в Дальневосточный край для работы с китайскими мигрантами. После подачи апелляции был восстановлен в ВКП(б) Буянов¹⁶. Медников под подозрение не попал, так как во время борьбы с оппозицией в КУТК выступал против троцкистов¹⁷.

Однако ситуация в стране менялась. В середине 1930-х гг. Сталин воспользовался убийством С.М. Кирова, чтобы уничтожить своих политических противников и избавиться от их сторонников. В процессе новых чисток возвращались к прошлым обвинениям и, казалось бы, снятым подозрениям. Во время кампании по проверке и обмену партийных документов в 1935–36 годах, сыгравшей роль очередной чистки, за сокрытие причастности к оппозиции в КУТК из партии вновь исключили Буянова¹⁸. Кеворкову исключили, обвинив в сокрытии информации о принадлежности к троцкистам её самой и мужа¹⁹, Ярославского — по обвинению в незаконном приобретении партбилета²⁰. Почти накануне ареста, в феврале 1937 года, из ВКП(б) были исключены Мусатова, как «неразобравшийся троцкист», за сокрытие контрреволюционной шпионской работы мужа, клевету на органы НКВД и неискренность при разборе дела в парторганизации, и Ребров²¹. Приблизительно в этот же период лишили партбилета прежде проходившего все

10. Спичак Д.А. Китайский авангард Кремля. Революционеры Китая в московских школах Коминтерна (1921–1939). М.: Вече, 2012. С. 128–129.

11. См.: РГАСПИ. ф. 514. Оп. 1. Д. 1010 и 1012.

12. ГАРФ. ф. 10035. Оп. 2. Д. 27918. Л. 4об, Д. 43156. Л. 4об.

13. РГАСПИ. ф. 514. Оп. 1. Д. 1010. Л. 48, 51.

14. См.: Янь Линфэн. Лю э цяньхоу: [До и после пребывания в России] // Чжунвай цзачжи (Тайбэй). Вып. 276 (02.1990). С. 87–89.

15. РГАСПИ. ф. 514, Оп. 1, Д. 1010, Л. 40.

16. РГАСПИ. ф. 495. Оп. 225. Д. 3005. Л. 12–12об, 18.

17. РГАСПИ. ф. 495. Оп. 225. Д. 3017. Л. 6–6об.

18. ГАРФ. ф. 10035. Оп. 2. Д. 27879. Л. 36.

19. ГАРФ. ф. 10035. Оп. 2. Д. 27921, Л. 8.

20. ГАРФ. ф. 10035. Оп. 1. П-21189. Л. 157.

21. ГАРФ. ф. 10035. Оп. 2. Д. 27925. Л. 46–46об, Оп. 1. Д. П-24708. Л. 6об.

проверки Медникова. Ранее, ещё в 1933 году, комиссия по чистке ВШПД за «контрреволюционную антипартийную агитацию» исключила из ВКП(б) Ян-Ман-Чуна²².

Многие бывшие учащиеся интернациональных вузов оказались вне привычной революционной орбиты и с трудом встраивались в новую действительность. Оглоблин после выхода на свободу работал на фибролитовом заводе, несколько месяцев на кухне, а затем был устроен на Московский электrozавод. Донцов вернулся из лагеря инвалидом. Ему, Оглоблину и некоторым другим помогала директор МЛШ К.И. Кирсанова. Донцов занимался с ней китайским языком, Оглоблин подрабатывал внештатным переводчиком в МЛШ, а в начале 1937 года недолго проработал штатным переписчиком. Но несмотря на то, что его устройство согласовывалось с бывшим куратором китайского сектора и заместителем главы делегации КПК в Коминтерне Кан Шэном, весной 1937 года стараниями нового заведующего сектором Чэнь Тяньцю вокруг принятия на работу бывшего троцкиста был раздут скандал²³. Медников, долгое время проработавший в Китайском клубе, уволился по здоровью и накануне ареста был вахтёром в МЛШ²⁴, куда устроился также с помощью Кирсановой. Буянов на несколько лет был командирован в Монголию, а после возвращения в Москву большую часть времени работал наборщиком в типографии «Искра революции». Ребров, вернувшись из Дальневосточного края, учился в Московском институте востоковедения, потом снова оказался на Дальнем Востоке, а в 1937 году работал заведующим московской прачечной. Мусатова после возвращения с Дальнего Востока училась в ВШПД, перед исключением из партии была заведующей Китайским клубом, а арест встретила работницей мебельной фабрики. Не было работы у Кеворковой, при этом её положение осложнялось наличием маленького ребёнка. После нескольких лет, проведённых в Дальневосточном крае и Якутии, она работала переводчиком в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ), откуда её уволили осенью 1936 года, незадолго до исключения из партии. Она обращалась с просьбами о помощи в разные инстанции, но так и не получила поддержки²⁵. Так завершалась карьера бывших революционеров — некоторым из них сталинская система не простила старых политических ошибок, а нарастающая подозрительность и активный поиск новых врагов только увеличивали круг новых изгоев.

Что касается не имевшего опыта революционной работы, но учившегося в УТК, а затем в Московском институте востоковедения Ярославского, проработав продолжительное время инструктором московского бытового союза среди китайских прачечников, в 1937 году он стал курсантом школы шофёров. Не учившийся в центрах подготовки китайских революционеров Ян-Ман-Чун в 1933 году вместе с исключением из партии был исключён из Высшей школы профсоюзного движения, и в 1937 году работал в прачечной приёмщиком белья. Ли-Сан-Джин же был фотографом в артели «Фотоснимок».

Помимо того, что бывшим коммунистам и революционерам было не просто найти свое место в чужой стране, их жизнь омрачалась взаимными подозрениями и обвинениями. Культивируемая в партийной среде критика на практике легко переходила в банальное доноительство²⁶. Типичными образчиками такой критики являются протоколы собраний по «чисткам», которые вместе с политическими обвинениями фиксировали самые разнообразные слухи и домыслы. Во многом это было результатом того, что регулярное молчание на собраниях интерпретировалось как политическая пассив-

22. ГАРФ. ф. 10035. Оп. 2. Д. 27921. Л. 20.

23. *Спичак Д.А.* Китайский авангард Кремля. Революционеры Китая в московских школах Коминтерна (1921–1939). М.: Вече, 2012. С. 178–179.

24. РГАСПИ. ф. 495. Оп. 225. Д. 3017. Л. 10–11об.

25. РГАСПИ. ф. 495. Оп. 225. Д. 1050. Л. 10, 27–30об.

26. *Панцов А.В.* Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М.: ИД «Мурвей-Гайд», 2001. С. 248.

ность и могло стать поводом для обвинений в адрес отмалчивавшихся. В сохранившихся материалах чистки ВШПД, лишившей членства в партии Ян-Ман-Чуна, видно, что его обвиняли не только в том, что он якобы называл СССР страной «красного империализма», поддерживал линию Троцкого, утверждал, что в Китае отсутствуют классы и говорил, что Сталин виноват в отсутствии дров, но и в том, что «игнорировал вопросы товарищей, грубил, не проявлял активности на семинарах, хитро себя вёл»²⁷. При этом сам Ян-Ман-Чун отрицал все политические обвинения. Например, по его словам, относительно «красного империализма» в СССР он пересказывал утверждения буржуазной прессы, а ошибочное мнение об отсутствии в Китае классов почерпнул из старой литературы. Кстати, на этом собрании среди прочих против него выступили Мусатова и её муж П. Немцев.

В конце 1936 года Мусатова, будучи директором Китайского клуба, стала автором письма-доноса, в котором сообщала о посещениях клуба бывшими троцкистами, включая Донцова и Оглоблина, а также упоминала о связи с троцкистами Ярославского и Медникова, тогда ещё члена ВКП(б), но на которого Мусатова собирала компрометирующий материал для его исключения из партии. Похоже, что её письмо было направлено против председателя правления того же клуба — Сюн Фуфана (Конуса), который, по словам Мусатовой, «всё время выступал в защиту вышеуказанных лиц», разрешал проживать в клубе троцкисту, доказывал, что Каменев, Зиновьев и другие «не могут быть расстреляны», и всё время что-то продавал. Подчёркивала Мусатова и то, что в день празднования годовщины китайской компартии клуб якобы посетил представитель китайского консульства»²⁸.

В то же время, как и многие другие жители Страны советов, китайцы были плотно обложены агентурно-осведомительной сетью ОГПУ-НКВД. Один из сохранившихся списков подозреваемых в 1930 году в троцкизме свидетельствует о том, что значительный объём информации о китайских оппозиционерах чекисты получали не только от раскаявшихся или разоблачённых студентов, но и от тайных сотрудников. Напротив 39 из 171 имён в списке в качестве источника информации указаны «агентурные данные»²⁹. Судя по всему, во второй половине 1930-х годов на НКВД работал и Ярославский: в его обвинительном заключении отмечено: «будучи секретным сотрудником НКВД, не сообщал о известных ему троцкистах Донцове и Оглобине, а также о своей связи с ними»³⁰. Оглоблин же говорил на следствии, что Медников признался ему, «что он является секретным сотрудником НКВД и ему поручено освещать китайцев», а также спрашивал самого Оглоблина, не работает ли он тоже на НКВД³¹.

При этом наличие внедрённых в их среду агентов и доносчиков вряд ли было неожиданностью для китайцев: бывшие революционеры достаточно времени провели в СССР, чтобы познакомиться с существовавшими там практиками политического контроля. Но вместе с общей неустроенностью, невозможностью вернуться на родину такая обстановка влияла на их моральное состояние и делала практически безоружными перед чекистскими манипуляциями, с которыми им пришлось столкнуться после ареста в 1937 году.

27. ГАРФ. ф. 10035. Оп. 2. Д. 27921. Л. 15–17.

28. ГАРФ. ф. 10035. Оп. 2. Д. 24913. Л. 17–18. Адресат документа, копия которого была обнаружена — неизвестен.

29. РГАСПИ. ф. 514. Оп. 1. Д. 1010. Л. 43–55.

30. ГАРФ. ф. 10035. Оп. 1. П-23350. Л. 60–61. О действительной связи Ярославского с НКВД косвенно свидетельствует и то, что в отличие от остальных, в настоящее время его дело находится на секретном хранении в УФСБ по МО.

31. ГАРФ. ф. 10035. Оп. 2. Д. 43156. Л. 83. Эта информация могла быть, конечно, сфальсифицирована следствием, но очевидных мотивов для этого не наблюдается.

Троцкистская террористическая организация в Китайском клубе

Накануне «большого террора» многие ранее осуждённые троцкисты подверглись повторным репрессиям, и китайцы не были исключением. 20–25 сентября 1936 года только в Горьком было арестовано около десятка сосланных туда в 1930–31 годах китайских сторонников левой оппозиции. Аналогичные аресты проходили и в других местах страны³². Весной 1937 года большинство из этих арестованных были приговорены Особым совещанием к срокам от трех до пяти лет лагерей³³. Террор в отношении бывших оппозиционеров и даже тех, кто только подозревался в возможной симпатии к оппозиции, расширялся и арест УНКВД по МО группы китайцев, значительная часть которой имела за собой троцкистский «след», вписывается в общую тенденцию.

В то же время стоит отметить и другую линию, повлиявшую на формирование этого дела. Условно её можно определить, как национально-организационную. Большинство из арестованных были связаны с одним из центров работы с неорганизованным китайским населением Москвы — Китайским клубом. Часть из них в своё время занимала в клубе разные должности, часть — регулярно посещала. В качестве составной части культурно-просветительской инфраструктуры клубы и общества национальных меньшинств долгое время были проводниками культурной и национальной политики большевиков, но в период «большого террора» эти организации уже воспринимались как потенциальные центры антисоветской деятельности.

Такое изменение их статуса во многом было связано с растущей в течение 1930-х годов обеспокоенностью советских властей возможностями зарубежных сил вести подрывную деятельность через этнические трансграничные связи и национальные диаспоры³⁴. Проходившая на протяжении 1937 года ликвидация национальных клубов и обществ в Москве стала одним из заметных маркеров этой тенденции. Почти одновременно, но всё же чуть позже, начались и массовые национальные операции, в ходе которых было расстреляно или оказались в лагерях ГУЛАГа большое количество руководителей, сотрудников и посетителей польского, латышского, финско-эстонско-литовского, и других клубов и обществ. О важности этих организаций в качестве целей репрессий «большого террора» свидетельствует подписанное 11 августа 1937 года закрытое письмо к приказу НКВД о начале «Польской» операции. В нём, в частности, утверждалось, что члены Польской организации войсковой³⁵ «захватывают руководство в редакциях польских газет на Украине, в польских секциях Наркомпросов, польских издательствах, техникумах, школах и клубах в различных местностях СССР»³⁶. В распоряжении Ежова о начале «Латышской» операции (30 ноября 1937 года) среди целевых групп, выделенных для обязательных арестов, были отдельно отмечены «руководители, члены правлений и

32. По материалам электронного ресурса «Открытый список». URL: <https://ru.openlist.wiki/> (дата обращения: 15.12.2020).

33. Имеющиеся на сегодня отрывочные данные об освобождении показывают, что те из них, кто не погиб в лагерях, в основном вышли на свободу только в 1942–47 гг. (По материалам электронного ресурса «Открытый список». URL: <https://ru.openlist.wiki/> (дата обращения: 15.12.2020).

34. Об этих опасениях в контексте советской национальной политики см. *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности. Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. С. 424–466.

35. *Polska Organizacja Wojskowa* (Польская военная организация) — тайная организация, созданная в 1914 г. для борьбы за независимость. Прекратила свою деятельность в 1921 г.

36. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М.: Международный фонд «Демократия»; Материк, 2004. С. 310.

штатные сотрудники местных филиалов общества «Прометей» и латышских клубов»³⁷. Не удивительно, что по свидетельству очевидца, в апреле 1938 года начальник 3 отдела УНКВД МО И.Г. Сорокин «с гордостью рассказал, что в латышском клубе «Прометей» все латыши арестованы исключительно до швейцара», на что получил одобрение замначальника управления Г.М. Якубовича»³⁸.

Таким образом, хотя рассматриваемое «китайское» дело начало фабриковаться московским управлением НКВД ещё накануне массовых операций «большого террора», эта национально-организационная линия в нём чётко прослеживается. При этом обе линии: троцкистская и национально-организационная были тесно переплетены. В сфабрикованной московскими чекистами картине клуб выступал как центр подпольной троцкистской деятельности.

Как уже упоминалось, в начале 1937 года до исключения из партии директором клуба была Мусатова, членами его правления какое-то время были Буянов и Медников. Ярославский много занимался культурной работой среди китайцев и был преподавателем кружка ликвидации безграмотности при клубе. Этот кружок одно время посещал Ян-Ман-Чун, который ещё по Дальнему Востоку, а затем и по школе профдвижения был знаком и с Мусатовой. Активными посетителями клуба, судя по всему, были Оглоблин и Донцов. Посещал клуб и Ребров. По утверждению некой В.А. Ванториной, ставшей после Мусатовой директором клуба, «в Китайский клуб также часто заходил член ВКП(б) китаец Ли-Сан-Джи, который что-то все фотографировал и находился в тесной связи с б[ывшей] зав. Китайск[ого] клуб[а] Мусатовой»³⁹. Не имела никакого отношения к клубу только Кеворкова, клуб даже не упоминается ни в одном из протоколов её допросов⁴⁰.

В общих чертах дело о китайской троцкистской террористической организации было сфабриковано к концу лета 1937 года Руководителем организации назвали Оглоблин, а к членам причислили остальных фигурантов дела, за исключением Кеворковой и Ли-Сан-Джина — последние обвинялись только в поддержании отношений с участниками организации. Основным местом встречи троцкистов-террористов назывался Китайский клуб. Согласно сфабрикованной версии, эта арестованная группа была прямой наследницей троцкистской организации, обнаруженной в своё время в КУТК. Как следовало из некоторых протоколов допросов, второе дыхание к организации пришло после возвращения в Москву из лагерей Оглоблина и Донцова⁴¹. Они характеризовались как активные троцкисты и непримиримые враги советской власти.

Остальные члены также изображались активными противниками сталинской линии. В протоколах допросов в качестве враждебной агитации фигурирует и критика партии и правительства, и утверждения, что народ в СССР нищенствует, и только власть может позволить себе хорошие условия жизни. Вновь всплыла формулировка о «красном империализме» в СССР и критика Коминтерна и ВКП(б) за отход от политики всемирной революции и провал революции в Китае. Кто-то из обвиняемых будто бы озлобился из-за несправедливого исключения из партии, а кто-то якобы ждал возвращения Троцко-

37. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М.: Международный фонд «Демократия»; Материк, 2004. С. 662.

38. ГАРФ. ф. 10035. Оп. 1. П-21189. Л. 169.

39. ГАРФ. ф. 10035. Оп. 2. Д. 27924. Л. 14.

40. Необходимо отметить, что в дело Кеворковой вложена копия небольшого протокола допроса Мусатовой, где последняя якобы утверждает, что Кеворкова бывала в клубе. Но, судя по всему, вся информация этого дополнительного протокола была сфальсифицирована. Подробнее о той роли, которую он сыграл в деле, см. ниже.

41. ГАРФ. ф. 10035. Оп. 2. Д. 27925. Л. 30–31.

го⁴². Объединилась же группа, согласно версии следствия, «на основе злобы и ненависти к партийному руководству во главе со Сталиным»⁴³.

То, что подобные взгляды будто бы высказывались в клубе, выворачивало наизнанку знаменитое сталинское определение движущейся к социализму национальной культуры: «пролетарская по своему содержанию, национальная по форме»⁴⁴. Теперь московские чекисты утверждали, что клуб по форме был центром национальной работы, но по содержанию — контрреволюционной. В протоколе допроса Реброва говорилось: «задача в тот период времени сводилась к тому, чтобы не быть разоблаченными в своей к[онтр]-р[еволюционн]ой троцкистской деятельности, для этой цели сборы китайцев троцкистов в Кит. клубе происходили под видом разучивания китайских пьес и участия в постановках и спектаклях». Чем, с точки зрения следователей, занимались эти троцкисты в театральном кружке становится яснее из дела Ян-Ман-Чуна, где сказано: «под видом разучивания китайских пьес и песен участники группы подвергали резкой контрреволюционной критике мероприятия Соввласти и партии»⁴⁵. Таким образом, национальная работа превращалась в маску для антисоветской и антипартийной деятельности.

Чекисты утверждали, что бывшие троцкисты и примкнувшие к ним стремились: «1) Путём двурушничества сохранить себя в ВКП(б). 2) Объединить и сохранить троцкистские кадры преимущественно из б[ывших] китайцев-троцкистов и 3) вести активную борьбу с ВКП(б) во главе со Сталиным»⁴⁶. Последний пункт превратился в шаблонную для фальсификаций этого периода основную задачу: «совершение террористических актов над руководителями ВКП(б) и советского правительства»⁴⁷. Один из фигурантов дела будто бы утверждал, что «в неоднократных беседах отдельные члены группы выдвигали как единственно успешный метод борьбы против партийного руководства и членов правительства террор»⁴⁸. Основным предполагаемым исполнителем назывался Ребров, вероятно, из-за того, что в своё время совершил нападение на сторонников Гоминьдана в Париже, но никаких конкретных данных о подготовке терактов следствием получено не было. Любопытно, что в показаниях Ян-Ман-Чуна от 17 июля присутствует обещание вспомнить подробности на следующем допросе, но в деле они также отсутствуют⁴⁹.

Чтобы создать видимость следствия и получить нужные показания, сотрудники НКВД имели широкий выбор средств: от психологического давления и прямого обмана до угроз и физического насилия. Среди характерных способов воздействия на бывших коммунистов популярны были настоятельные «просьбы» помочь партии выявить врагов. Под этим предлогом от обвиняемых требовали подписать показания против знакомых и незнакомых им лиц, а затем якобы для большей убедительности и против самих себя. Если уговоры не действовали, в ход шли угрозы и избиения, после чего арестованные готовы были поставить подпись под чем угодно⁵⁰. В результате чекисты имели возможность получить практически любой материал и направить следствие в желаемом направлении.

42. ГАРФ. ф. 10035. Оп. 2. Д. 27882. Л. 17, 170б, 43–44, 51, Д. 27925. Л. 33.

43. ГАРФ. ф. 10035. Оп. 2. Д. 27925. Л. 32.

44. *Сталин И.В.* О политических задачах университета народов Востока. Речь на собрании студентов КУТВ. 18 мая 1925 г. // *Сталин И.В.* Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. Т. 7. С. 138.

45. ГАРФ. ф. 10035. Оп. 2. Д. 27882. Л. 53.

46. ГАРФ. ф. 10035. Оп. 2. Д. 27925. Л. 31.

47. ГАРФ. ф. 10035. Оп. 2. Л. 51.

48. ГАРФ. ф. 10035. Оп. 2. Д. 27882. Л. 41.

49. ГАРФ. ф. 10035. Оп. 2. Д. 27882. Л. 44–47.

50. См., например, *Прудовский С.Б.* Как палачи НКВД пытали и фантазировали. Опыт расследования по документам «Харбинского» дела // Новая газета. № 104. 23.09.2015. С. 18–19.

В то же время стоит отметить, что даже имея возможность влиять на показания арестованных, созданная московскими чекистами картина всё равно не выглядела связной. Данные протоколов допросов в значительной степени противоречили друг другу, но следователи не обращали на это внимание. Также в делах можно легко обнаружить множество серьезных формальных нарушений и очевидных подтасовок.

Прежде всего бросаются в глаза нестыковки в данных о составе организации. Так в протоколе допроса Мусатовой от 3 июня, помимо неё самой к членам троцкистской группы отнесены Травин⁵¹, Оглоблин, Ярославский, Донцов, Ребров, Мищенко⁵², Ян-Ман-Чун, Медников, Люй-Мин-Зун⁵³ (подчеркивалась близкая связь Конуса⁵⁴). Такой же состав зафиксирован в протоколе её допроса от 10 июля⁵⁵. В протоколе Реброва от 14 июля участниками террористической троцкистской группы названы всего шесть человек: Ян-Ман-Чун, Ярославский, Оглоблин, Мусатова, Донцов и сам Ребров⁵⁶. Оглоблин 28 июля «признал», что ему известно о существовании китайской троцкистско-террористической группы, в состав которой входили Форель⁵⁷, Донцов, Клубов⁵⁸, Гаевой⁵⁹, Мищенко (все были осуждены в 1930 году, а некоторые повторно в 1936–37 годах). После этого отмечалось, что Ребров, Мусатова, Ярославский, Ян-Ман-Чун, Медников и Травин встречались с участниками группы, но имели ли они с ними «организационную связь», Оглоблину не известно⁶⁰. Кроме того, что данные о составе сильно разнились, в этих показаниях вообще не упоминался Буянов, а в показаниях Реброва — Буянов и Медников. Что касается показаний арестованного позже Буянова, в качестве членов группы в них назывались Оглоблин, Донцов, Форель, Витин⁶¹, Некрасов⁶², Угрев⁶³, Мусатова. Ярославского и Ян-Ман-Ман-Чуна он не называл⁶⁴.

Ли-Сан-Джин обвинялся не в участии в организации, а в том, что «до ареста находился в близких отношениях с участником троцкистско-террористической организации». Подчёркивалось, что в этом он признался, как и в том, что «по своим взглядам настроен к СССР враждебно». При этом вся его враждебность заключалась в том, что под влиянием поездки в деревню к родственникам жены Ли-Сан-Джин говорил, что в то время как в газетах пишут о хорошей жизни, она тяжела и в городе, и в деревне⁶⁵. Сложнее обстоит дело с Кеворковой. В резолютивной части обвинительного заключения аналогично указывалось, что она «до ареста поддерживала знакомство с участниками китайской троцкистско-террористической организации». Но при этом в описательной части утверждалось, что она якобы «в 1936 году до момента ареста поддерживала тесную связь с Мусатовой» и *состояла членом* (выделено мной — Е.К.) китайской троцкистской организации, которая ставила перед собой задачу — совершение террористических актов над

51. Сунь Цзунхуань.

52. Чжоу Шудинь.

53. Так в документах, настоящее китайское имя неизвестно.

54. Сюнь Фуфан.

55. ГАРФ. ф. 10035. Оп. 2. Д. 27925. Л. 16, 30.

56. ГАРФ. ф. 10035. Оп. 2. Оп. 1. Д. П-24708. Л. 20.

57. Фань Вэньхуй.

58. Пань Шужэнь.

59. Ху Пэнцзюй.

60. ГАРФ. ф. 10035. Оп. 2. Д. 43156. Л. 25–27.

61. Ань Фу.

62. Ци Шугун.

63. Вероятно, Углев (Чжан Бомин).

64. ГАРФ. ф. 10035. Оп. 2. Д. 27879. Л. 17–18.

65. ГАРФ. ф. 10035. Оп. 2. Д. 27879. Л. 8, 16–17.

членами Сов. Правительства и руководителями ВКП(б)»⁶⁶. При этом Кеворкова не была знакома с большинством обвиняемых, знала только Мусатову, которую последний раз видела в 1934 году⁶⁷.

Как материалы группового дела противоречивы в отношении состава «террористической» организации, нет в них единого ответа и на вопрос о её руководстве. В протоколах допроса Оглоблина говорилось, что руководителем был либо Форель и Витин, либо один Форель⁶⁸. В большинстве обвинительных заключений сотрудники НКВД указали, что руководил организацией Оглоблин. А в показаниях Мусатовой от 3 июня говорится, что руководителями были Травин и Ян-Ман-Чун⁶⁹.

Судя по всему, с целью хоть как-то свести концы с концами, не раньше осени 1937 года, когда основные допросы были почти закончены, в деле Мусатовой появился отдельный дополнительный протокол⁷⁰. Он представлял собой попытку включить в сфабрикованную картину лиц, против которых не имелось никаких других показаний, кроме самооговоров. При этом в отличие от прочих протоколов допросов по этому делу, он оформлен с существенным формальным нарушением — дата проведения допроса на нём отсутствует. В небольшом, всего на полторы страницы документе, Мусатова якобы говорила о враждебных взглядах Кеворковой и Ли-Сан-Джина и об их тесной связи с троцкистами⁷¹. Это противоречило её предыдущим показаниям, где зафиксировано, что о «политических настроениях» Кеворковой она не знает⁷². Ли-Сан-Джин также ранее не упоминался ею в троцкистском контексте. Аналогичные обвинения в этом отдельном протоколе можно найти и в отношении Буянова⁷³, который в показаниях других фигурантов дела вообще не рассматривался как троцкист. В то же время между делом в этом протоколе упоминалось, что руководителями троцкистской организации были Оглоблин и Донцов⁷⁴. Такое утверждение отражало установку следователей в конце фабрикации дела, но при этом противоречило предшествующим показаниям Мусатовой, однако никаких попыток соотнести между собой эти данные предпринято не было.

Все эти и некоторые другие противоречия были результатом того, что на создание единой непротиворечивой картины у сотрудников НКВД не хватало ресурсов — в условиях, начавшихся осенью 1937 года массовых операций, времени даже на самые откровенные фальсификации становилось всё меньше. С другой стороны, для этого не было необходимости — конвейерное следствие ничем не сдерживалось: контроль за действиями чекистов со стороны руководства и прокуратуры по рядовым делам был сведен к минимуму.

«Харбинский» поворот

Фигуранты этого «китайского» дела были арестованы в период между 23 апреля и 4 августа 1937 года, то есть уже после февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б), —

66. ГАРФ. ф. 10035. Оп. 2. Д. 27921. Л. 27–28.

67. ГАРФ. ф. 10035. Оп. 2. Д. 27921. Л. 13.

68. ГАРФ. ф. 10035. Оп. 2. Д. 43156. Л. 23, 28.

69. ГАРФ. ф. 10035. Оп. 2. Д. 27925. Л. 18.

70. Предположение о датировке сделано исходя из того, что в данном документе упоминается арестованный сентябре 1937 г. Р.И. Ковтун.

71. ГАРФ. ф. 10035. Оп. 2. Д. 27925. Л. 48–49.

72. ГАРФ. ф. 10035. Оп. 2. Д. 27925. Л. 11.

73. ГАРФ. ф. 10035. Оп. 2. Д. 27925. Л. 48.

74. ГАРФ. ф. 10035. Оп. 2. Д. 27925. Л. 49.

своеобразного пролога к «большому террору»⁷⁵ и прямо накануне появления приказа НКВД № 00485, ставшего модельным для национальных операций⁷⁶. Хотя исследователи часто начинают отсчёт национальных операций НКВД от появившегося 25 июля «Немецкого» приказа № 00439, базовым для этих операций стал «Польский» приказ № 00485, подписанный Ежовым 11 августа⁷⁷. Именно им в практику внесудебного рассмотрения дел вводился так называемый «альбомный» порядок, ставший общим для операций против национальных контрреволюционных контингентов. Данный порядок предполагал, что после проведённого на местах следствия в центр высылались списки обвиняемых, сопровождаемые небольшими справками с компрометирующими данными и обвинениями. В этих материалах, сшитых в альбомном формате, уже должно было быть проведено первичное разделение арестованных на 1-ю (предполагающую расстрел) и 2-ю (предполагающую заключение исправительно-трудовой лагерь) категории. После рассмотрения в центральном аппарате НКВД приговоры утверждались «двойкой» — Комиссией наркома внутренних дел и прокурора СССР⁷⁸. Приговоры к высшей мере должны были приводиться в исполнение немедленно, на приговорённых к лагерям через Особое совещание делались соответствующие справки.

17 августа действие «Польского» приказа и, соответственно, «альбомного» порядка было распространено на румын, находящихся на территории Украины⁷⁹; 20 сентября 1937 года появился «Харбинский» приказ № 00593, направленный прежде всего на бывших сотрудников КВЖД и реэмигрантов из Китая и Маньчжоу-го, обвиняемых в работе на разведывательные органы Японии. 30 ноября была разослана шифротелеграмма № 49990 о начале операции против латышей; 11 декабря — объявлено о начале «греческой» операции и т.д.

С начала февраля 1938 года китайская линия официально стала частью национальных операций⁸⁰, но к этому времени «двойкой» уже были осуждены более двухсот китайцев, дела которых присылались в центр в рамках приказа № 00593⁸¹. Основной причиной включения китайцев и корейцев в «харбинские» альбомы было осмысление приказа № 00593 как направленного в целом на противодействие японскому шпионажу, а также ставшее распространённым явлением самостоятельное расширение территориальными органами НКВД подлежащих аресту контингентов⁸². Важным стимулом

75. Фактически февральско-мартовский пленум 1937 г. завершил идеологическую подготовку к началу «большого террора». Работа пленума была сосредоточена на вопросах активности в стране шпионов, диверсантов, вредителей и враждебной деятельности оппозиции.

76. Т.н. национальные операции вместе с начавшейся ранее операцией против антисоветских элементов стали основными составляющими сталинского «большого террора» 1937–38 гг.

77. Петров Н. В., Рогинский А. Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М.: Звенья, 1997. С. 22–38.

78. Т.е. Ежовым и Вышинским или их заместителями.

79. Хаустов В.Н., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2009. С. 290.

80. Китайская «линия» была отнесена к национальным операциям решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 января 1938 г. При этом характерно, что в решении о ней говорилось не как о начинающейся операции, а как о продолжающейся. В этом контексте нельзя исключить, что партийная верхушка воспринимала масштабную, но ограниченную краевыми рамками операцию против китайцев в Дальневосточном крае, начавшуюся в последних числах декабря 1937 г. как уже идущую национальную операцию, хотя приказами НКВД она ещё не была отнесена к «альбомным» операциям. Подробнее см.: Калкаев Е.Г. К вопросу о начале «китайской операции» НКВД (1937–1938) // Вопросы истории. 2018. № 12. С. 66–87.

81. По материалам АУФСБОО. ф. 6. Д. 9828–9855.

82. Охотин Н.Г., Рогинский А.Б. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М.: Звенья, 1999. С. 53–54.

включения в «альбомы» большего числа арестованных было желание отличаться по ключевым операциям⁸³.

В таком контексте уже на самом исходе формирования «китайского» дела в нём появилось упоминание Роберта Исааковича Ковтуна. Ковтун оказался в Китае в 1908 году будучи ребёнком, когда его отец отправился работать на КВЖД. В 1936 году уже несколько лет служивший переводчиком Дальбанка в Харбине Ковтун принял решение вместе с китайской женой и ребёнком переехать в СССР, где жили две его сестры. В сентябре 1937 года в Москве он был арестован НКВД. Помимо абсурдных, но обычных для харбинцев обвинений в тесных контактах с прояпонски и антисоветски настроенными лицами: китайскими полицейскими, судьями, «палачами-японцами» и белогвардейцами, в материалах следствия говорилось, что в Москве Ковтун общался исключительно с китайцами, в том числе с Ян-Ман-Чуном, в прачечной которого читал китайские газеты и у которого бывал в гостях. По Китайскому клубу Ковтун знал Ярославского и Мусатову. Несмотря на то, что он полностью отрицал основные обвинения в шпионаже и работе на японцев, 18 октября 1937 года Комиссия НКВД и прокурора СССР утвердила смертный приговор, который уже 21 октября был приведён в исполнение.

Дело Ковтуна довольно типично для этого периода: в 1937–38 годах по надуманным обвинениям было уничтожено или заключено в лагеря несколько десятков тысяч вернувшихся из Китая харбинцев. Однако нельзя не обратить внимание на ту роль, которое оно сыграло в деле китайских троцкистов. Во всех известных материалах китайкой троцкистской террористической группы Ковтун упоминается лишь дважды. Во-первых, в отдельном протоколе в деле Мусатовой, где последняя якобы подтвердила факт своего знакомства с Ковтуном, Ли-Сан-Джином, Буяновым и Кеворковой и свидетельствовала об их тесных связях с контрреволюционно настроенными троцкистами⁸⁴. Во-вторых, в протоколе допроса Ян-Ман-Чуна, датированном 10 октября 1937 года⁸⁵.

При этом имя Ковтуна фигурирует в подавляющем большинстве обвинительных заключениях китайских троцкистов и даже у тех, с кем он был не знаком. Так, в обвинительном заключении Оглоблина присутствует громоздкая формулировка: «До момента ареста имел связь с Ян-Ман-Чуном, Ярославским и Мусатовой, которые поддерживали близкие отношения с харбинцем Ковтун, в 1937 г. расстрелянным за шпионскую деятельность на территории СССР в пользу Японии»⁸⁶. Аналогично у Кеворковой: «В 1936 г. до момента ареста поддерживала тесную связь с Мусатовой, последняя арестована как враг народа, поддерживала связь с харбинцем Ковтун...»⁸⁷. У Ли-Сан-Джина: «Находился в близких отношениях с Мусатовой, участницей китайской троцкистско-террористической организации, которая поддерживала связь с харбинцем Ковтун...»⁸⁸.

83. Несмотря на то, что в отличие от операций против антисоветских элементов партийное руководство не санкционировало по национальным операциям определённые лимиты на количество репрессированных, руководство региональных УНКВД чтобы отличаться часто требовало от сотрудников выполнения конкретных планов по арестам. Например, по словам начальника 3 отдела УНКВД МО А.О. Постеля, заступив на должность начальника управления Л.М. Заковский в рамках проведения «латышской» операции давал каждому отделу на каждый месяц определённые контрольные цифры на аресты — 1000–1200 человек. (Бутовский полигон, 1937–1938 годы: Книга памяти жертв политических репрессий. Выпуск 3. М.: Панорама, 1999. С. 345.)

84. ГАРФ. ф. 10035. Оп. 2. Д. 27925. Л. 48.

85. Протокол отсутствует в деле самого Ян-Ман-Чуна, но вложен в следственное дело Ковтуна, см.: Ф. 10035. Оп. 2. Д. 27604. Л. 12.

86. ГАРФ. ф. 10035. Оп. 2. Д. 43156. Л. 105.

87. ГАРФ. ф. 10035. Оп. 2. Д. 27921. Л. 27.

88. ГАРФ. ф. 10035. Оп. 2. Д. 27924. Л. 16.

Вряд ли это просто избыточная информация, с большой долей вероятности можно предположить, что основной целью упоминания Ковтуна в отдельном протоколе допроса Мусатовой и в обвинительных заключениях было своеобразное объяснение включения членов китайской террористической троцкистской группы в «альбомы», отправленные на утверждение в рамках «Харбинского» приказа. Ко времени появления этого приказа дела китайцев уже были выстроены вокруг обвинений в троцкизме и стремлении заняться политическим террором, что само по себе не являлось поводом для рассмотрения их в рамках «альбомной» операции по «Харбинскому» приказу № 00593. Конечно, изменение направления следствия не было для чекистов непосильной задачей, они могли привязать к троцкизму и японский шпионаж, и любые другие обвинения, но это потребовало бы специальных усилий и оформления новых допросов. В условиях постоянной нехватки времени оказалось проще сделать акцент на связи группы с уже осужденным и расстрелянным харбинцем, хотя последний даже не был знаком со многими из них.

Основными формальными нитями, на которых держалась эта связь, были вызывающий большие сомнения недатированный отдельный протокол из следственного дела Мусатовой и протокол допроса Ян-Ман-Чуна. Даже обвинительные заключения были составлены задним числом. На большинстве из них указан только месяц утверждения — декабрь 1937 года, но в обвинительном протоколе Мусатовой присутствует полная дата — 16 декабря 1937 года⁸⁹. При этом «альбомные» справки на обвиняемых китайцев были отосланы на Комиссию НКВД и прокурора СССР уже в ноябре 1937 года⁹⁰, соответствующий протокол с приговорами подписан Ежовым и Вышинским 28 ноября⁹¹, а сами приговоры были приведены в исполнение на подмосковном Бутовском полигоне 4 декабря. Таким образом, оставшиеся в следственных делах обвинительные заключения были составлены после вынесения приговора и, судя по обвинительному заключению в деле Мусатовой, даже после расстрела.

* * *

Обвиняемые по этому делу стали первыми из почти ста пятидесяти китайцев, материалы на которых в период «большого террора» Комиссия НКВД и прокурора СССР рассмотрела по «альбомам», представленным УНКВД по Московской области.

Изначально дело было сфабриковано вокруг придуманной подпольной троцкистской террористической организации, в которую помимо осуждённых в 1930 году студентов-оппозиционеров включили тех, кто подозревался в связях с оппозицией или был в середине тридцатых годов исключён из партии по ранее снятым или новым политическим обвинениям. По утверждению следствия, основным центром сбора террористической организации был Китайский клуб, в котором некоторые из обвиняемых работали, а многие были частыми посетителями. Вероятно, это привело к включению в группу обвиняемых фотографа Ли-Сан-Джина, приходившего в клуб и знавшего его директора Мусатову. Судя по протоколам допросов, сотрудники НКВД использовали для фабрикации дела имеющиеся материалы партийных чисток, не исключено также, что общая канва обвинения была придумана на основе сообщения Мусатовой о политической обстановке в клубе. Также какие-то данные чекисты могли получать и от тайных агентов и осведомителей. Однако даже располагая такой информацией и имея возможность принуждать арестованных к даче ложных показаний, следствие не позаботилось о создании связной картины и устранении в деле противоречий.

89. ГАРФ. ф. 10035. Оп. 2. Д. 27925. Л. 50.

90. АУФСБОО. ф. 6. Д. 10007. Л. 61.

91. АУФСБОО. ф. 6. Д. 9838. Л. 48–60.

Осенью 1937 года в оформлении «китайского» дела произошёл принципиальный поворот — в УНКВД по МО было принято решение передать его материалы на рассмотрение Комиссии НКВД и прокурора СССР в рамках начавшейся «Харбинской» национальной операции. Причиной этого, вероятно, стал относительно простой механизм рассмотрения «альбомных» дел и желание повышать показатели по операциям, находящимся в центре внимания руководства. Формальным же основанием для такого поворота стало знакомство некоторых из обвиняемых с репрессированным выходцем из Харбина Р.И. Ковтуном.

Литература

- Архив Управления ФСБ по Омской области. ф. 6. Д. 10007.
Архив Управления ФСБ по Омской области. ф. 6. Д. 9828–9855.
Бутовский полигон, 1937–1938 годы: Книга памяти жертв политических репрессий. Выпуск 3. М.: Панорама, 1999.
Государственный архив Российской Федерации. ф. 10035. Оп. 1. Д. П-21189.
Государственный архив Российской Федерации. ф. 10035. Оп. 1. Д. П-23350.
Государственный архив Российской Федерации. ф. 10035. Оп. 1. Д. П-24708.
Государственный архив Российской Федерации. ф. 10035. Оп. 2. Д. 27924.
Государственный архив Российской Федерации. ф. 10035. Оп. 2. Д. 24913.
Государственный архив Российской Федерации. ф. 10035. Оп. 2. Д. 27879.
Государственный архив Российской Федерации. ф. 10035. Оп. 2. Д. 27882.
Государственный архив Российской Федерации. ф. 10035. Оп. 2. Д. 27918.
Государственный архив Российской Федерации. ф. 10035. Оп. 2. Д. 27921.
Государственный архив Российской Федерации. ф. 10035. Оп. 2. Д. 27925.
Государственный архив Российской Федерации. ф. 10035. Оп. 2. Д. 43156.
Калкаев Е. Г. К вопросу о начале «китайской операции» НКВД (1937–1938) // Вопросы истории. 2018. № 12.
Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М.: Международный фонд «Демократия»; Материк, 2004.
Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011.
Охотин Н. Г., Рогинский А. Б. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М.: Звенья, 1999.
Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М.: ИД «Муравей-Гайд», 2001.
Петров Н. В., Рогинский А. Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М.: Звенья, 1997.
Прудовский С.Б. Как палачи НКВД пытали и фантазировали. Опыт расследования по документам «Харбинского» дела // Новая газета. № 104. 23.09.2015.
Российский государственный архив социально-политической истории. ф. 495. Оп. 225. Д. 945.
Российский государственный архив социально-политической истории. ф. 495. Оп. 225. Д. 1050.
Российский государственный архив социально-политической истории. ф. 494. Оп. 225. Д. 3005.
Российский государственный архив социально-политической истории. ф. 494. Оп. 225. Д. 3017.
Российский государственный архив социально-политической истории. ф. 514. Оп. 1. Д. 1010.
Российский государственный архив социально-политической истории. ф. 514. Оп. 1. Д. 1012.
Спичак Д.А. Китайский авангард Кремля. Революционеры Китая в московских школах Коминтерна (1921–1939). М.: Вече, 2012.
Сталин И.В. О политических задачах университета народов Востока. Речь на собрании студентов КУТВ. 18 мая 1925 г. // Сталин И.В. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952.
Хаустов В.Н., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2009.
Янь Линфэн. Лю э цзяньхоу: [До и после пребывания в России] // Чжунвай цзачжи (Тайбэй). Вып. 276 (02.1990).

References

- Arkhip Upravleniya FSB po Omskoy oblasti. F. 6. D. 10007.
Arkhip Upravleniya FSB po Omskoy oblasti. F. 6. D. 9828–9855.
Butovskiy poligon, 1937–1938 gody: Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy. Vypusk 3. M.: Panorama, 1999.
Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. 10035. Op. 1. D. P-21189.
Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. 10035. Op. 1. D. P-23350.
Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. 10035. Op. 1. D. P-24708.
Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. 10035. Op. 2. D. 27924.
Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. 10035. Op. 2. D. 24913.
Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. 10035. Op. 2. D. 27879.
Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. 10035. Op. 2. D. 27882.
Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. 10035. Op. 2. D. 27918.
Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. 10035. Op. 2. D. 27921.
Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. 10035. Op. 2. D. 27925.
Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. 10035. Op. 2. D. 43156.
Kalkayev E.G. K voprosu o nachale «kitayskoy operatsii» NKVD (1937–1938) // *Voprosy istorii*. 2018. № 12.
Khaustov V.N., Samuel'son L. Stalin, NKVD i repressii 1936–1938 gg. M.: ROSSP·EN, 2009.
Lubyanka. Stalin i Glavnoye upravleniye gosbezopasnosti NKVD. Arkhip Stalina. Dokumenty vysshikh organov partiynoy i gosudarstvennoy vlasti. 1937–1938. M.: Mezhdunarodnyy fond «Demokratiya»; Materik, 2004.
Martin T. Imperiya «polozhitel'noy deyatelnosti. Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939. M.: ROSSP·EN, 2011.
Okhotin N.G., Roginskiy A.B. Iz istorii «nemetskoy operatsii» NKVD 1937–1938 gg. // *Nakazanny narod. Repressii protiv rossiyskikh nemtsev*. M.: Zven'ya, 1999.
Pantsov A.V. Taynaya istoriya sovetsko-kitayskikh otnosheniy. Bol'sheviki i kitayskaya revolyutsiya (1919–1927). M.: ID «Muravey-Gayd», 2001.
Petrov N.V., Roginskiy A.B. «Pol'skaya operatsiya» NKVD 1937–1938 gg. // *Repressii protiv polyakov i pol'skikh grazhdan*. M.: Zven'ya, 1997.
Prudovskiy S.B. Kak palachi NKVD pytali i fantazirovali. Opyt rassledovaniya po dokumentam «Kharbinskogo» dela // *Novaya gazeta*. № 104. 23.09.2015.
Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii. F. 495. Op. 225. D. 945.
Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii. F. 495. Op. 225. D. 1050.
Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii. F. 494. Op. 225. D. 3005.
Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii. F. 494. Op. 225. D. 3017.
Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii. F. 514. Op. 1. D. 1010.
Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii. F. 514. Op. 1. D. 1012.
Spichak D.A. Kitayskiy avangard Kremlya. Revolyutsionery Kitaya v moskovskikh shkolakh Kominterna (1921–1939). M.: Veche, 2012.
Stalin I.V. O politicheskikh zadachakh universiteta narodov Vostoka. Rech' na sobranii studentov KUTV. 18 maya 1925 g. // *Stalin I.V. Sochineniya*. M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1952.
Yan Lingfeng. Liu e qianhou: [Before and after staying in Russia] // *Zhongwai zazhi*. 1990. № 2.